
Евгений КУЖЕЛЕВ

КАЖЕТСЯ, РАССКАЗ

Жить на развалинах империи мальчишкой безумно интересно: столько непонятно-для-чего-нужных зданий, остовов, скелетов. Трава пробивается сквозь крошево асфальта, во дворах валяются ржавые Е и Ё — как будто сам язык еще в состоянии полураспада. Клумбы-лебеди из шин ищут свою вечную пару. Палисадники, а то и огороды под окнами — где-то там советский Диоклетиан на пенсии выращивает свою капусту.

Дорога у дома была... ну, скажем, просто была, и на том спасибо. Снег таял, и по ее глубоким морщинам устремлялись потоки воды. Шли они внахлест, причудливо сливаясь и разливаясь и все же неизменно сходясь в огромной луже у парикмахерской. «Что за ужасная лужа!» — говорили взрослые. «Каспийское море», — думал про себя я.

И вот оно, счастье — набрать всякого хлама на улице: веточки рябиновые, палочки березовые, крышечки от пепси и «Очакова», тонкий прут неизвестного куста — и пустить их по рекам в море. Они будут запинаться, наталкиваться на преграды, попадать под колеса машин. Я буду строить плотины, делать запруды, менять русла. Те, кто добрался до лужи — колумбы, магелланы. А я раздваиваюсь: ведь я и над ними, и с ними, на тонком плоту, проплываю пустынные берега Патагонии, где бродят великаны и огромные черные птицы вращают небеса.

* * *

Почему люди на другой стороне Земли ходят вверх ногами? Почему голубой считается мальчишеским цветом, а розовый — девчачьим? Почему в детском саду нет никакого сада?

Однажды я спросил у бабушки, что такое кладбище. Бабушка ответила так: «Это то место, куда уходят очень-очень старые люди». Я запомнил.

Потом она же меня ругала, что я лезу всем жать руки — даже дедулям, которые играли во дворе в домино. Это я тоже запомнил.

Однажды мы с ней шли откуда-то домой — из детского сада без сада, наверное — и на скамейке перед домом повстречали старушку. Бабушка сказала: «Подойди и поздоровайся». Видимо, я был очень розовощекий и сияющий мальчик, потому что старушка протянула ко мне обе руки в знак приветствия. Я же засунул свои ладони в карманы, смерил ее взглядом и сказал: «Да-а-а.. ну у тебя и руки. Старые очень». Еще немного поразмышляв, добавил: «Тебе на кладбище пора» — и думал, что даю хороший совет и вообще поступаю правильно.

Евгений Кужелев родился в 1998 году в Москве. Окончил факультет журналистики Российского государственного гуманитарного университета. Работает журналистом. В 2024 году окончил поэтический семинар у Дмитрия Воденникова в школе писательского мастерства «Пишем на крыше». Живет в Подмосковье.

Хорошо, что я об этом случае забыл на двадцать лет, а то бы давно уже сгорел от стыда. Бабушка вот недавно напомнила. Говорит, в тот день мы поднимались по лестнице так быстро, как никто и никогда. Потом извинялись перед старушкой вкуснейшим сливовым пирогом. Этого я не помню, не помню — но, пожалуйста, пусть это будет именно так.

* * *

Ночь растворяется, оседает заварным листом. Через несколько часов над ней будет плескаться насыщенный цветом день. За окном кричат чайки. Каждый апрель они прилетают в мой двор. Тогда совсем легко представить, что за рядами однотипных домов открывается море.

Вспоминаю, как я выбежал на балкон, залезал на табуретку и смотрел в сторону заходящего солнца. Мне почему-то казалось, что солнце на закате всегда погружается в воду. Только так оно может отдохнуть. С той же стороны, из огорода, под вечер приходил мой дед. Я ждал его возвращения, высматривая в сумерках знакомую тельняшку.

Его все не было, и я представлял, что дед мой, конечно, моряк. Что-то задержало его в пути. Карантин в Занзибаре? Долги в шанхайской гавани? Бунт посреди Тихого океана? Но вот вскрикивала чайка — и за кустами отцветшей сирени показывался бело-голубой парус.

А потом мы вместе выхаживали эту морскую птицу у нас в огороде. Дед нашел ее ранним утром у пруда. Крыло было повреждено, она взлетала, но через пару метров с жалобой и тоской опускалась на землю. Месяц мы поили ее родниковой водой и кормили базарной килькой. Она посвежела, поправилась и — улетела. Добравшись до моря, до стоящей рыбы, она, наверное, была счастлива. А вместе с ней, на балконе, погружаясь в последние летние сумерки и мечтая, был счастлив и я.

* * *

Встреча с творцом произошла неожиданно. Но только такой она и может быть.

По выходным бульвары столицы набухают пешеходами, опутывая город виноградной лозой. На скамейках зреют кисти — все, чем город поспел за неделю: признания, сплетни, слухи, вещи. Особенно — вещи.

На Гоголевском бульваре они причудливы и разнообразны. Глаз останавливается на камне, который спрятался в пещере из коры. Согнувшись, он молится Богу.

К зевакам подходит высокий седой человек: «Что вас заинтересовало?»

«А, инок. Посмотрите, там, в коре — дырочка, через нее в келью падает свет. Я нашел кору уже с этой дырочкой».

«С камнями всегда интересно. Они сами подсказывают сюжеты. Бывает, что в одной работе сочетаются камни из Китая, Египта, Мексики и те, что я нашел у себя во дворе. Камни терпеливы. Они ждут, когда мне в руки попадет последний и объединит их всех».

«Больше всего я работаю с деревом. Вот накануне выпиливал фигуру „Вознесение“, отвлекся, и вздернутая вверх рука треснула. Этот образ я часто повторяю. А когда создавал его впервые, мне был дан знак свыше. В текстуре дерева повторилась эта фигура, точь-в-точь. Такого нарочно не придумаешь!»

«Я нигде этому не учился. По профессии я слесарь. Когда пришли девяностые, трудные годы, что-то во мне щелкнуло — и я стал пробовать разное. Рассказы писал, фо-

тографировал, руками мастерил: фигуры, сундуки с тайниками придумывал и отливал. Востребованная вещь была!»

«Сюжет рассказа? Да пожалуйста. Знаете такое выражение: „Дрожит, как осиновый лист“? Бойтся то есть. Идут люди по бульвару и видят эти пожелтевшие, тоненькие листики, нет-нет да и упрекнул их в трусости. Да только люди мало что понимают. Для осинового листа оторваться и полететь — это, может, быть, мечта всей жизни. Единственный в своем роде полет. Каждый мечтает о нем, вот и дрожит в предвкушении. А с одним листом случилась беда. Школьник оторвал его и сунул в книжку. Там он засох, так и не дождавшись полета».

«Я за свою долгую жизнь понял, что все-таки главное в жизни — люди. Мне восемнадцать лет было, совсем еще мальчишка. Угроздило меня влюбиться сразу в двух прекрасных девушек. Вот уже больше полувека прошло, у всех семьи, дети, внуки. Но я знаю, что в любой момент могу им позвонить, зайти на чай. Речь уже не про пылкую юношескую любовь, но... вы понимаете? И это — жизнь».

* * *

На кассе в музей Владимира Набокова нам сказали, что билет можно купить только в Интернете. Мы-то, конечно, купили. А вот пожилая женщина, пришедшая следом, отказалась из принципа. «Это что, вообще, такое?!» — сказала она. Я и мой друг Яруш, как воспитанные молодые люди, предложили свою помощь — но женщина ретировалась стремительнее, чем пешка ходит e2—e4.

Потом мы пошли в гардероб. Напротив обнаружился автоматон, продающий книги и открытки. Степенно и чопорно механизм выплюнул роман «Под знаком незаконнорожденных». Все эти технические особенности с ходу приобщили нас к набоковскому духу: как известно, семья писателя с готовностью откликнулась на модные инженерные новшества своего времени.

Далее, скрипя старинным паркетом, мы проследовали в гостиную. Развалившись в креслах, смотрели документальный фильм, снятый молодым Леонидом Парфеновым, который очень рад, что оказался в Швейцарии. Изучали немногочисленную экспозицию: обложки разноязычных изданий, выдержки из писем к Вере, коллекции бабочек — третью любовь Набокова.

А потом мы вышли на улицу. С каких-то далеких высот на меня спикировала бабочка: как будто Владимир Владимирович хлопнул меня по голове сачком.

Больше бабочек в Петербурге я не видел. Да и та ведь, наверное, была нездешняя.

* * *

Обратно ехал с военным. Полевая форма и резиновые сланцы. Из госпиталя, конечно.

Пока толкались у вагона, он без конца отходил, звонил по телефону, не дозванивался, закуривал сигарету. Упустил свое место в очереди. Пришел уже перед самым отправлением. Сел, вытянул ноги и уснул. Таким образом я, сидящий у окна, оказался отрезан от всех благ, которые бесплатно и за деньги предлагает компания РЖД.

Когда телефон зазвонил — военный не проснулся. Проснулся потом и пошел по своим нехитрым делам. На обратном пути столкнулись (я — туда же). «У вас, — говорю, — телефон звонил. Пока вы спали». Он кивнул. Разошлись.

Вернувшись, застал попутчика за телефонным монологом:

— Катя, ты только не кипишуй. Тут такая фигня приключилась. Выхожу из госпиталя, жду яндекс-такси. А тут ко мне подруливает какой-то местный бомбила. «Тебе на вокзал?» Киваю. «Ну давай отвезу». Я ему говорю, что уже жду машину. «Да чего ее ждать-то, поехали, поехали, там отменить можно». Ну, сел. Поехали. Подъезжаем к вокзалу. Он говорит: «Ну че, три восемьсот с тебя». Я так и офигел. «Какие три восемьсот, — говорю, — или ты меня до Москвы решил довезти?» Тычет пальцем в счетчик — реально три восемьсот. А по яндексу рублей триста показывало, что ли. Ну, сволочь. Говорю: «Давай расходиться как-нибудь». Он завел свою песню — уж я не первый у него, Катюха. «У меня на карте полторы тыщи, — говорю, — больше нету». Сперва свое триндел, потом согласился.

Катя, естественно, закипишвала.

— Не, Кать, ну а что мне было делать? Я в форме. Да. Да. Ну налетел, налетел... Да ладно тебе, Катюха, ну не последние же деньги.

Последние.

Тут связь прервалась: въехали в лес. Звонит обратно и не может дозвониться. Долго. На каждой остановке выходит на перрон курить. Потом сидит, подперев подбородок, и смотрит вдаль. Купленный на припасенную наличку сэндвич и тот падает на пол.

Я чувствую некоторую ответственность за происходящее. Вмешался в судьбу человека. Хотел как лучше... Во внутреннем кармане куртки у меня лежат Очень Вкусные Конфеты — на случай, если придется утешать детей, периодически ревуших в любом виде транспорта.

— Хотите конфету? Вкусная.

Военный задумчиво смотрит на мою руку. Потом так тихонечко улыбается и говорит: «Спасибо». Съедает конфету.

Вскоре телефон звонит сам. Сначала жена — помирились, пошутили. Потом звонит друг — хочет встретиться на вокзале.

Мы подъезжаем к Москве. Баланс вмешательства в чужую жизнь восстановлен. Еще пятнадцать, десять, пять минут маленького, глупого счастья: от солнца, от конфет, от возвращения домой. Еще чуть-чуть...

И вот я вскидываю рюкзак на плечо и растворяюсь в вокзальной толпе.